

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 304.444
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-6
EDN DRMFNN

**Власть и общество в России:
национальная идея и гражданская идентичность**

Ольга Федоровна Лобазова

Доктор философских наук, профессор кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли, Российский государственный социальный университет, г. Москва
lobazovaof@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0002-8601-6665>

Аннотация. На основании тезиса о самостоятельности и уникальности российской цивилизации как в исторической ретроспективе, так и в современной обстановке, в статье предлагаются ответы на следующие вопросы: под воздействием каких факторов складывалась общероссийская гражданская идентичность? От чего зависела степень влияния русского православия на отношения власти и общества? В каких формах местного управления реализовывалась участие социальных групп разного уровня в решении проблем государственного строительства? Какую роль в системе отношений власти и общества сыграли земства? Почему национальная идея, обеспечивающая гражданское единение, может быть выражена несколькими способами. Предлагаемые в статье выводы получены путем применения сравнительно-исторического метода на основе принципов объективности, всесторонности, историзма и поиска противоречий. В ходе рассуждений сделаны умозаключения, во-первых, о ламинарности как ключевом свойстве самосознания людей, составляющих основную активную часть народа, образующего русское государство; во-вторых, о доминантном идейном влиянии русского православия, которое формировало мировоззрение как тех, кто управлял, так и тех, кем управляли; и, в-третьих, об особом сакральном ореоле образа представителей высшей власти, существующем в массовом сознании российского населения, который меняется со временем, но полностью так и не исчезает. Основная мысль статьи заключается в том, что национальная идея российского общества формируется в современных условиях на основаниях светскости и оптимистического консерватизма и принимают участие в ее формировании как власть через своих

представителей, так и общество через институты, реализующие различные формы гражданской инициативы.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность; традиционные российские духовно-нравственные ценности; местное управление; земство; национальный характер; национальная идея; общинность; консерватизм

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Земский уклад: на пути укрепления общероссийской гражданской идентичности» (FSZZ-2024-0012), № 1024071600015-7-5.4.1;5.5.1;5.6.2;5.9.1;6.3.1

Для цитирования: Лобазова О. Ф. Власть и общество в России: национальная идея и гражданская идентичность // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 6-23. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-6>. <https://elibrary.ru/DRMFNN>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

Authorities and society in Russia: national idea and civil identity

Olga F. Lobazova

Doctor of philosophy, professor, department of modern axiological problems and religious thought, Russian state social university, Moscow.
lobazovaof@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0002-8601-6665>

Abstract. The study is based on the thesis of the independence and uniqueness of the Russian civilization both in the historical retrospective and in the modern situation. It offers the answers to the following questions: which factors influenced the formation of the Russian civil identity; what is the degree of Russian Orthodox influence on the relations between the authorities and the society; in what forms of local administration did different social groups participate to solve the state building problems; what is the role of the zemstvo (district council) in relations between the authorities and the society; why can the national idea of the civil integration be expressed in several ways? The conclusions suggested in the article are obtained by applying the comparative-historical method based on the principles of objectivity, comprehensiveness, historicism and searching for contradictions. In the course of the analysis, the following inferences are made: firstly, about laminarity as a key feature of self-consciousness of the people who constitute the main active part of the people forming the Russian state; secondly, about the dominant ideological influence of Russian Orthodoxy, which shaped the worldview of both those who ruled and those who were ruled; and, thirdly, the special sacral image of supreme power representatives that exists in the Russian mind and changes over time, but never completely disappears. The main point of the article is that the national idea of Russian society is being formed in modern conditions on the grounds of secularism and optimistic conservatism, and both the authorities through their

representatives and society through the institutions realizing various forms of civil initiative take part in its formation.

Key words: all-Russian civil identity; traditional Russian spiritual and moral values; local government; zemstvo; national character; national idea; communalism; conservatism

The article is a part of the state assignment of the Russian Federation Ministry of Science and Higher Education entitled “Zemsky Ukhlad: towards strengthening the Russian civic identity” (FSZZ-2024-0012), No. 1024071600015-7-5.4.1;5.5.1;5.6.2;5.9.1;6.3.1

For citation: Lobazova O. F. Authorities and society in Russia: national idea and civil identity. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 6-23. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-6>. <https://elibrary.ru/DRMFNN>.

Введение

Российская нация, опираясь на собственный длительный и эффективный опыт построения территориально-политической и культурной общности, закономерно осознает себя самостоятельной цивилизацией. Наше сообщество совсем не одиноко в своей уникальности – Россия располагает определенным кругом друзей, союзников и партнеров, нацеленных на сотрудничество. Мы постоянно на протяжении всего времени существования государства активно принимали участие в глобальных процессах: в христианизации, в противостоянии Орде, в освоении новых для европейцев континентов и океанов. Наша страна выполняла ведущую роль в борьбе с наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, в противоборстве с колониальной системой и создании противовеса мировым гегемонам. Но участие России в глобальных процессах всегда происходило на условиях России, определяемых решениями политического руководства соответствующей эпохи, которые были, конечно, разными по степени позитивной результативности.

Стоит отметить, что чем выше при принятии таких решений была согласо-

ванность конкретных политических шагов и управленческих мер с глубинными архетипами российской нации, тем к более ощутимым результатам приводили действия как отдельных представителей политического руководства, так и в целом армии, флота, дипломатического корпуса и других акторов международных связей. Обратим внимание, согласованность именно с содержанием глубинных архетипов, а не общественного мнения, которое обычно формируется представителями элиты манипулятивно, меняется слишком быстро и в большой степени эмоционально окрашено. Обращение же к глубоко укорененным в российском сознании идеям (и мифам) не раз обеспечивало актуализацию всех качеств народа, которые позволили российской государственности перерасти формальные рамки территориально-политического объединения и стать цивилизацией, распространившей свое культурное влияние далеко за пределы своих физических границ.

Динамика взаимоотношений общества и власти в России

Одна из главных доминант российского общественного сознания (причем

как массового, так и концептуального уровня), обеспечивающих прочность политической организации и гармоничность культурного пространства, это идея о прочной взаимосвязи верховной власти государства и масс населения, занятых в создании экономического потенциала страны. Этой довольно здоровой идее сопутствует уже миф о том, что данная связь правителя и народа имеет мистический характер, что помешать её осуществлению могут «бо-яре» (впрочем, по мнению носителей мифа, именно этим они всегда и заняты), и если хочешь добиться справедливости, то надо обращаться прямо к верховному правителю.

Идея сакральности власти, объясняющая власть как константу, не подлежащую осуждению по критериям обыденности, но обладающую всеми качествами для установления справедливости в обыденной среде именно в силу своих надмирных свойств, живет в российском массовом сознании до сих пор, хотя и в сильно трансформированном виде. Рациональное же её зерно – представления о необходимости непрерывного диалога власти и «низовых» слоев общества – периодически актуализируется в современный период в форме дискуссий о соотношении прав и обязанностей власти и граждан, о взаимосвязи интересов целого (страны) и его частей (регионов). То и дело в теоретических спорах и политических программах возникает вопрос о наличии гражданского общества в пределах Российской Федерации, о его свойствах, задачах и перспективах.

И практически все участники обсуждений [Азаматова, 2022; Алешин, 2021; Пантелеев, 2023; Поляковская, 2022; Сулейманов, 2024] соглашались с тем, что существование гражданского

общества определяется наличием гражданских инициатив, направленных на реализацию как частных, групповых, так и общественных, государственных интересов. А формы реализации гражданских инициатив, их границы и степень влияния на разномасштабные управленческие решения имеют в российском обществе свои традиции и особенности – городское вече, сход сельской общины, казачий круг, церковные приходы, собрания мусульманской уммы, земства, советы народных депутатов советского периода и современные советы депутатов – все они основывались на актуальном на соответствующий момент понимании целей и задач рядовых подданных, а потом и граждан, в сфере государственного строительства. В российском обществе в отношении к органам местного управления и различным самостоятельным объединениям граждан, а также к взаимодействию этих структур и объединений с органами вышестоящей власти есть некоторые оттенки, которые детерминированы российской многонациональной и полирелигиозной культурой.

И это не недостаток, это – преимущество. Поскольку в текущей ситуации, когда в мировом политическом пространстве происходит передел сфер влияния, роль конкурентного ресурса могут играть самые необычные и странные национальные особенности. Не призывая опираться на действительно странные особенности, которые имеются, по-видимому, в арсенале каждого народа, а не только российского, предлагаем рассмотреть те черты национального психотипа, которые могут, с высокой степенью вероятности, влиять на активность граждан и оказывать воздействие на формы и содержание управления на местах. Рассуждать

предлагается о «русском характере», поскольку, по нашему убеждению, именно архетипы русского самосознания оказали наиболее сильное влияние на формирование российской полифоничной культуры, и в значительной степени по причине того, что «русскость», практически с самого начала применения этого термина, означала не только конкретную этническую принадлежность, но, прежде всего, включенность в определенное политическое и культурное пространство в качестве активного участника и защитника государства, в названии которого изначально фигурировало слово «Русь».

Диалектичность и разносторонность русского/российского характера признана большинством исследователей. Правда, в этом единодушии сразу видны две большие группы: одни делают акцент на негативных качествах, а другие – на позитивных. Вопрос о том, как эти качества влияют на жизнь страны (от масштабов дня до тысячелетней перспективы), решался тоже по-разному. Например, представители «западников» в свое время предлагали искоренять в народе все те черты, которые делают его антиподом населению Западной Европы, даже если эти черты и свойства народа помогали ему сохранять свою целостность в прошлом; а славянофилы были убеждены в том, что уникальные национальные черты требуют корректировки только в своей негативной части, а в целом служат исторической миссии народа России и должны сохраняться.

То, что мы называем национальным характером, не обуславливается только этнической принадлежностью, а является результатом системного воздействия всего комплекса культуры и природного (климатического) окружения, а также

откликается на социально-политические условия жизни. Поэтому с течением времени национальный характер закономерно трансформируется в некоторых своих чертах, сохраняя при этом корневые основания, поскольку базовые нарративы культуры и климат окружающей среды меняются медленнее и не в такой степени, чтобы полностью утратить свои типичные свойства.

Наиболее сильным изменениям характер российской народа подвергся в XX веке под влиянием войн и революций. Да и события начала текущего века заставили российский народ меняться, как вслед за обстоятельствами, так и в противостоянии им. Вызовы, с которыми столкнулись российские граждане, потребовали таких усилий и принесли такие трансформации, которые по глубине могут сравниться только, пожалуй, со временем принятия Русью христианства. Но как и христианство из византийского толка перешло в русское православие, так мировоззрение глобального капитализма постепенно ассимилируется и медленно превращается в собственный российский взгляд на внешнюю и внутреннюю политику.

И это реализуется потому, что в российском характере остаются почти в неприкосновенности главные черты, комплекс которых иногда называют культурным кодом. Но в этом случае акцент делается на качествах, несомненно, позитивного значения. А вот негативные черты российского характера в составе культурного кода не упоминаются, хотя в реальности существуют. Это объяснимо, так как понятие культурного кода описывает идеал, должное. Тогда как в экспликации понятия «национальный характер» невозможно обойтись без учета целого спектра качеств, в котором даже условно

негативные черты делают целый народ и его отдельных представителей уникальными и приспособленными для решения особых стоящих порой только перед ними задач.

Для прояснения вопросов, продиктованных темой статьи, будет, пожалуй, достаточно назвать всего несколько свойств того симбиоза, который можно назвать «русскостью»:

- крепость жизненных сил, широта восприятия мира;
- постоянный интерес к проблемам глобального уровня;
- надежда на неожиданную помощь высших сил (такой своеобразный оптимистичный фатализм);
- желание минимизировать собственные усилия.

И если для краткости, только одним словом обозначить каждое из этих свойств, то получаем: выносливость, душевность, духовность, беспечность и лень. При этом сразу становится видна диалектичность в сочетании названных качеств, одни из которых прямо противоречат другим. Но так в данном случае это и не стремление описать идеал, это попытка отразить известную нам часть действительности, которая соткана из противоречий, обеспечивающих развитие жизни общества и человека.

Скорее всего, в любом народе можно найти проявление упомянутых качеств. Но в концентрированном состоянии, да еще в виде способа выживания и достижения выдающегося результата, такое встречается только в группе братских славянских народов, хотя и внутри этой группы качества белорусов и украинцев дополняются своими, только им присущими чертами, а некоторые общие свойства по степени выраженности будут различными, если сравнивать эти три народа между собой.

В оформлении этих качеств российского характера, отличительные особенности которого можно заметить не только среди этнических русских, но и среди большинства русскоговорящих, приняло активное участие православие, как богатейшая система моральных и интеллектуальных ценностей. В советский период также было осуществлено много прямых и опосредованных воздействий политического, социального и культурного свойства, в результате чего базовые черты российского характера еще более распространились и на представителей не славянских народностей.

На определенном этапе партийное руководство советского государства даже предложило обществу обновленную парадигму межэтнических отношений, введя в оборот термин «единый советский народ» для обозначения сложившейся в это время социально-культурной общности. Этот термин впоследствии подвергся критике, отмечалась его оторванность от актуальной политической реальности – ведь новым термином попытались скрыть назревавшие конфликты на почве сепаратизма и национализма, набравшего силу в рядах региональной элиты. Однако для большинства трудовой части населения единая идейная устремленность, игнорирующая этнические и вероисповедные рамки, была очевидна и естественна настолько, что ее отголоски, пройдя через несколько поколений, до сих пор ограждают российское общество от масштабных конфликтов на этнической почве.

Не советская власть создала единство в российском народе, не она первая официально обратилась к глубинным идеям согласия и сотрудничества. Все это постоянно осознавалось православными богословами и светскими мыслителями.

телями России, время от времени реализовалось в политических решениях власти и в предыдущие века. Но указанные шаги власти в советский период не позволили традиции межнационального и межконфессионального мира прерваться даже в период, когда традиционные для России религии уже не могли выполнять свою консолидирующую функцию. Тем более это не должно произойти сейчас.

В отдельных случаях можно услышать упреки в адрес российского народа за повышенный интерес к происходящему далеко за границами собственного государства, даже на другом краю Земли. Русские постоянно интересуются делами, не имеющими к ним отношения. Кто-то называет это вмешательством и отмечает (или придумывает – что чаще) отдельные случаи, которые противникам нашей страны с разной степенью успеха удается квалифицировать как помеху со стороны России. Но подлинный смысл участия российского государства и его граждан в международных процессах гораздо в большем – Россия не любопытствует и не устанавливает свой диктат, она выполняет сверхзадачу, миссию, соперничающая и участвуя по мере возможности в решении проблем. И это стержневая часть того постоянного интереса к проблемам глобального уровня, который коротко обозначен в данном тексте как духовность (на самом деле, духовность – гораздо большее, а иногда – совсем иное качество).

Отметим, что мессианские устремления в большей или меньшей степени присущи каждому народу, освоившему относительно большую территорию. Например, США и страны Западной Европы направляют гигантские усилия на контроль за остальным миром, кото-

рый воспринимается ими как джунгли, которые угрожают цивилизованно устроенному саду. Применительно к России речь должна идти не о присутствии или отсутствии мессианизма, а о своеобразных формах его проявления [Хренов, 2007] – российские мыслители во все времена отмечали, а отечественная социология уже в современный период подтверждает, наличие в массе трудового населения достаточно сильных эмоциональных откликов на социально-политические процессы в мире, интереса к событиям и выражения поддержки всем, кого, по мнению российского гражданина, обижают, притесняют, угнетают.

Именно такой по форме и содержанию мессианизм российского сознания обусловлен тем, что основным типом личности в России исторически является лиминарий. Русского человека, пишет Н. А. Хренов, «... делает лиминарием завышенная оценка по отношению к обществу – его не устраивают любые формы иерархии, поскольку лиминарий ориентирован на утверждение в обществе коммунарной модели и достижение состояния идеальной справедливости» [Хренов, 2007, с. 130].

Это стремление жить вне формальных рамок диалектически сочетается с горячим желанием россиянина находиться под защитой власти и ее представителей, которые бы гарантировали ему не просто широту этих формальных рамок, но справедливость ограничений, которые эти рамки накладывают на обычного человека. И если эти условия соблюдены, то главной задачей становится укрепление внутреннего единства, которое и обеспечит длительное существование установленного порядка. Кроме того, постоянные внешние угрозы, ликвидировать которые прихо-

дится опять же за счет привлечения представителей самой активной и трудоспособной части населения, которую после трагической убыли приходится длительно восполнять, не дают угаснуть в глубинных пластах российского самосознания постоянной готовности к защите Родины. А успех ратного дела обусловлен качествами самой Рати, то есть сообщества единомышленников, забирающих вражеские и отдающих свои жизни за Мир. И потому идея государственного и национального единства – это основополагающий элемент в согласовании интересов социальных субъектов происходящем, в том числе в процессе деятельности органов местного управления.

Кстати, поясним, почему не «местное самоуправление», а «местное управление» несмотря на то, что в российском праве и научном дискурсе исторически используется второй вариант. В данном случае, автор статьи разделяет мнение Б. Г. Хачатуряна и Б. А. Шишкина о том, что не только наименование «местное самоуправление», скопированное либеральными сторонниками Земской реформы 1864 года, но и сама реализуемая тогда и сегодня под таким названием система, осталась «не понятой населением страны в течение более 150 лет» [Хачатурян, 2023, с. 620] и в ее современном виде не приносит ощутимых позитивных результатов для Российской Федерации. Во взглядах на исторический опыт и современную ситуацию автор статьи исходит из убеждения, что местное управление с учетом инициативы граждан региона существует в реальности, а местное самоуправление – существует виртуально, в официальных документах и политическом дискурсе. И это расхождение суще-

ствовало всегда, начиная с реформирования государственного управления после отмены крепостного права.

Нельзя отрицать, что Земская реформа Александра II явилась достаточно своевременным ответом верховной власти России того периода на вызовы времени, причем таким ответом, на который эта власть оказалась готова и способна. Степень адекватности ответа власти на объективные требования процесса социально-экономического развития и субъективные запросы социальных субъектов, к чьим мнениям приходилось прислушиваться царю, до сих пор обсуждается. И мнения по поводу результатов Земской реформы высказываются различные. Традиционно в российской историографии преобладает точка зрения на решающую роль либеральных концепций и их апологетов при выработке конкретных вариантов документов, определивших содержание и формы новых учреждений местного управления. Такая точка зрения весьма распространена в современном научном дискурсе, что подтверждает целый ряд публикаций [Бояринцева, 2021; Головашина, 2022; Жамкочян, 2023]. Однако в последнее время актуализируется исследовательский интерес к роли представителей консервативных концепций местного управления. Исследования, посвященные основополагающим идеям и практической работе в земствах консервативных деятелей, активизируют общественный интерес к этой проблематике и явно отвечают запросу времени [Гайда, 2023; Головач, 2022; Каирова, 2021; Михайлова, 2014].

А запрос достаточно ясный – российское общество стремится к динамическому равновесию центра и его частей, причем как в правовом, так и в

моральном, и духовном смыслах. Запрашивается общенациональная идея, которая вырабатывается для достижения единства большинства на пути к близким и дальним целям. Почему только большинства? Полного единения достичь невозможно, хотя бы потому, что оно должно быть осознанным, а на это фактически не способны маленькие дети или люди с заболеваниями ментальной сферы. Кроме того, любая идея имеет как сторонников, так и противников. Следовательно, общенациональная идея так названа не потому, что разделяется всеми, а потому, что нацелена на обеспечение достойного будущего для всех граждан государства – даже для тех, кто эту идею пока не понимает, или осознанно не поддерживает.

В условиях нашего государства – многонационального и многоконфессионального, общенациональная идея должна быть свободна от привязки к конкретному этносу или вероисповеданию. Тем более, что в современных условиях, когда в мире практически нет (а среди крупных стран точно нет) моноэтнического государства – по многим причинам смешение народов и религий стало свершившимся фактом, который диктует изменение в понимании термина «нация». В российской научной мысли уже произошло это изменение, хотя и позже, чем в политической и публицистической лексике.

И потому национальная идея, по всей видимости, должна утратить этническую и религиозную привязку и стать только общей гражданской идеей. Однако стоит помнить, что граждане государства все же обладают разной этнической и религиозной принадлежностью, которая накладывает отпечаток на характер взаимоотношений как внутри этнических и вероисповедных

групп, так и между ними, порождает как союзы, так и конфликты.

Для достижения динамического равновесия интересов разных групп и слоев населения требуется такой инструмент, который бы доминировал над всеми остальными и стоял «над схваткой», объединяя и согласовывая различные ценности. На заре российской государственности такую роль сыграло христианство византийского образца с его огромным опытом имперского объединения. В результате уже с конца X – начала XI вв. сложилась практическая синонимичность «русского» и «православного», и равная применимость понятия «русский» для обозначения принадлежности человека к этносу и государству. Русскими стали все, кто был подданными русского царя и был крещен в православии. И эти подданные имели право высказывать мнение по поводу управленческих решений, а порой и самостоятельно их вырабатывать по традиции родственной, а потом соседской общины. Общинный сход на селе и вече в древнерусских городах был прямой реализацией участия населения в местном управлении.

До сих пор все споры о наименовании и способах определения этнического происхождения актуальны по большей части для внутреннего применения, они в той или иной степени интересны только жителям России. Для всего остального мира мы всегда – при самодержавии, при Советской власти, и до сих пор – русские. Все, невзирая на разрез глаз и разницу родного языка. Но и для самих себя мы все – русские, что особенно явно стало теперь, когда идет СВО.

Закреплению идейной по своей основе самоидентификации самосознания древнерусского этноса послужило тата-

ро-монгольское иго. На этом этапе объективные условия привели к тому, что практика участия населения в обсуждении решений власти, характерная для домонгольского периода жизни русского государства, утратила свою позицию и стала угасать. Об этом пишет, например, Е. А. Братцева, указывая на то, что в данный исторический период институты самоуправления сохранились только в Новгороде и Пскове, и то в урезанном виде [Братцева, 2021].

Снижение значения решений сельских сходов происходило на фоне возрастания роли центральной власти княжеств, которая стремилась не только лишить полномочий своих общинников, но и распространить свои возможности на владения других князей; процесс централизации и объединения русских земель шел активно, поскольку был объективно обусловлен. Положительные перспективы объединения и освобождения от иноземного гнета перевешивали ущерб от снижения местной активности и в глазах власти, и самого населения. Сознательное, хотя и без процедуры голосования, делегирование населением почти всех полномочий политическому руководству произошло в условиях мобилизации на борьбу за государственную независимость с неизбежной необходимостью, потому что во время боя командует только один.

После падения в 1453 году Константинополя как центра восточно-христианского мира Московское государство приняло на себя роль нового лидера (была сформулирована концепция «Москва – третий Рим») и в мироощущении русского народа, не встретив отторжения, вошла идея о добровольном принятии статуса проводника божественной воли, который есть честь великая и тяжесть огромная. В право-

славном богословии утвердилось понятие «Святая Русь», ставшее основой русского мессианства. Однако подобные претензии на исключительность отличали, прежде всего, узкий слой властной элиты и высших церковных кругов, в массовом сознании мессианская идея становится главной позже и в несколько измененном виде, что подтверждает уже состоявшееся разделение между народным и элитарным пониманием перспектив государственного развития, что не было характерно до монгольского нашествия.

Во времена Ивана Грозного разделение общественного сознания на массовое и элитарное приобрело характер острого противоречия, что и было использовано царем, который обратился к возможностям земства в борьбе за централизацию и укрепление собственной власти. Это отмечает, например, в своей работе А. В. Карева [Карева, 2020].

Неоднократные обращения царя непосредственно к народным массам, провоцирование их на действия в поддержку внутренней политики имели успех и достигли желаемого результата. В народной памяти (в частности, в фольклоре) зафиксировано одобрение большинства действий грозного царя, направленных на урезание прав боярства. В эту эпоху центральная власть приложила немало усилий для того, чтобы внедрить в массовое сознание идеи об исключительной задаче подданных русского царя, которую придется исполнять в мировом масштабе.

Государственная общенациональная идея России выступает под знаменем православия вплоть до Петра I, который включил Русскую Православную церковь в систему государственного управления, тем самым лишив ее морального приоритета. В результате православие,

оставаясь важной скрепой российского общества, перестает быть идеологией государства – в качестве последней выступает светская имперская идея, на формирование которой неизбежно оказала воздействие европейская культура, но и необходимость учитывать особенности взаимодействия с присоединившимися к империи народами также влияла на содержание светских норм взаимоотношений власти и общества.

В более поздние периоды на самосознании граждан России не могли не сказаться секуляристские идеи XVIII в., а также спор «славянофилов» и «западников» – «западничество», как идейное течение, так или иначе разрушало концепцию этно-религиозной идентичности. Основной же удар по православию нанес 1917 г. и последовавшие за ним десятилетия советской власти. Правда, взамен религии обществу была предложена теория, которая была способна на определенное время заменить собой ранее существовавшую идеологию. Идея справедливого бесклассового общества, сопряженная с задачей торжества власти пролетариата во всем мире, прекрасно отвечала требованиям, предъявляемым к сообществам, чья идеология основывалась исключительно на вере и отвергала критические оценки. Однако рациональные составляющие этой идеи и объективное соответствие её характера глубинным чертам российского самосознания позволили коммунистической мечте не только жить в нашей стране достаточно долго, но и содействовать реальным достижениям на пути социально-экономического развития. Русский коммунизм на определенном этапе был плодотворным, но не только потому, что был коммунизмом, а потому, что был еще и русским. А задачи регулиро-

вания взаимосвязи решений власти и гражданской инициативы были воплощены в форме советов народных (на ранних этапах – рабочих и крестьянских) депутатов, включенных в систему государственного управления.

Борьба с религиозными организациями и распространением вероучений была идейной основой советского общества, но ее накал в разные периоды менялся, то обостряясь, а то полностью затухая. Одной из ошибок политического руководства послевоенного СССР стало искусственное обострение борьбы с церковью и религиозными взглядами. В результате маятник качнулся и перешел на сторону горячего интереса широких масс населения к религиозным вопросам. Тем более, что религиозные организации, представлявшие традиционные для российского общества вероисповедания, никогда не отменяли практику выработки совместных решений и не прекращали своей социальной деятельности. А официальные советские организации и объединения периода 70-80-х годов XX века погрязли в формализме, стали «бумажными» по содержанию, пропитались духом карьеризма и демагогии. В то время как принадлежность к религиозной общине давала людям ощущение личностной значимости, так как их мнение выслушивалось и чаще, чем в официальной светской среде, учитывалось. Этого было недостаточно для полной реализации гражданской инициативы, но все равно значительно отличалось искренностью отношений к людям.

Поэтому не стоит удивляться, что при формировании первых «перестроечных» представительских органов местного уровня в них собраниями жителей выдвигались священнослужители различных религиозных организаций

(чаще Русской Православной церкви). Правда, после проблем, возникших с участием священников в работе органов местного управления и породивших внутри самой РПЦ ряд богословских споров, церковь отказалась от прямого участия в политической деятельности любого уровня. Но это не умаляет влияния, которое могут оказывать религиозные деятели на верующих, некоторые из которых еще активнее стремятся вступить в диалог с властью. И задача вероисповедных организаций конкретизируется (но тем не упрощается) – научить своих последователей подлинной веротерпимости в отношении друг друга, иначе социальное согласие и гражданское единство будут находиться под угрозой.

Единство и целостность любого общества обеспечиваются наличием общих ценностей и символов, их выражающих. Осознание этих ценностей на определенном этапе требует их вербализации и проверки через широкое обсуждение – так общество знакомится с тем, что, возможно, обретет статус национальной идеи и определит жизнь людей на долгие годы. Концепции, которые претендуют на роль основы национальной идеи, весьма разнообразны – евразийство, «русская идея» как идея ведущей исторической роли России, новое западничество как окончательное включение в англо-саксонский мир, «просвещенный либерализм», панславизм и многие другие.

Во всей этой палитре взглядов и позиций находит свое место и концепция консерватизма, в современных условиях не связанного исключительно с простым сохранением прежних, устаревших норм. Президент РФ В. В. Путин, выступая 21 октября 2021 г. на Валдайском форуме, назвал умеренный кон-

серватизм «самой разумной линией поведения», и охарактеризовал современный российский консерватизм, сторонником которого является, как оптимистичный [Заседания МДК «Валдай»].

Полагаем, что отправной точкой и одновременно историческим основанием для такой трактовки российской национальной идеи является положение о самобытности России, русских и россиян в целом, получившей наиболее яркое воплощение в славянофильстве. Так, Н. Я. Данилевский считал Россию особой цивилизацией, особым миром со своими особыми интересами и собственной логикой развития и утверждал, что Европа принципиально враждебна России, подобно тому, как Россия враждебна Западу [Данилевский, 1991]. Славянофилов постоянно критиковали и современники, и потомки за кажущееся стремление в прошлое, за постоянное обращение к народной традиции, за неприятие основы западного прогресса. Но теперь, когда страны Запада демонстрируют полный отказ от ценностей, обеспечивающих элементарное физическое продолжение человеческого рода, обращение к традициям, благодаря которым человечество не вымерло под давлением неблагоприятных явлений природы и собственного безумия, ценность взглядов славянофилов становится очевидной, хотя и не имеет статуса абсолютной истины, так как славянофильство рассматривает Россию как воплощение определённого типа мировой идеи – православия, а конкретную судьбу страны – в соотнесенности с судьбой этой идеи.

В нашем обществе все религиозные организации, в том числе и традиционные для России, находятся в правовом поле и, обладая определенными правами, имеют обязанности перед государ-

ством, когда включаются в общественные процессы в ходе внерелигиозной деятельности. Имея собственные принципы регулирования активности прихожан и опыт социально значимой деятельности, религиозные организации традиционных для России вероисповеданий предоставляют всему обществу пример осуществления диалога народа с властью, поскольку бережно хранят достояние, называемое в православии соборностью, но существующее и в иных вероисповеданиях для обозначения собрания верующих, пришедших не для культовых действий, а для решения вопросов своей мирской жизни.

Предлагаемая русским православием соборность в социальном плане означает возможность решать социально значимые проблемы сообща, учитывая баланс интересов участников. В понятие «соборность» включается не только уважение к специфике народов, социальных групп, политических партий, отдельных людей, но и призыв к духовно-нравственному единению во имя Российского государства, следовательно, в современной ситуации эта ценность религиозного характера приобретает все черты ценности социально-политической, что актуализирует ее как средство консолидации общественных субъектов с весьма разными мировоззренческими позициями.

Правда, все то, что подразумевает соборность, на практике так и не было реализовано без изъянов и отклонений от идеала (впрочем, как и другие ценности). И потому у идеи соборности есть оппозиция, которая считает, что на практике идеи соборности проявляются лишь в отдельные моменты высшего духовного подъема, а в остальное время на уровне повседневного бытия то, что многие богословы и светские авторы

принимают за проявления соборности, в действительности есть лишенный духовных оснований инфантилистский или архаичный коллективизм. В нем нет действительного уважения к индивидуальности со стороны коллектива, а индивид только пользуется ресурсами общности, маскируя отсутствие подлинного интереса и уважения к совместным делам. На основе этих искажений возникло явление «коммунальности», сущностью которого стало маргинальное, антисоциальное паразитирование индивида за счет коллектива, которое сопровождается манипулированием коллективистскими стереотипами. Коммунальность в ее современном виде является главным препятствием на пути становления гражданского общества, она постоянно подменяет гражданское самосознание корпоративно-клановым.

Особенно это видно, если рассматривать конкретные формы активности граждан, поводом которых стали местные проблемы. Частная гражданская инициатива на то и частная, чтобы реализовываться за счет собственных ресурсов. Но решение вопросов местного характера в большинстве случаев активные граждане предлагают решать за счет государственного бюджета, источники наполнения статей которого порой совсем не волнуют активистов. В этих условиях самодеятельность местных представительских органов или малоэффективна, или вынуждает администрацию приступать к «ручному управлению» деятельностью представительских органов, что противоречит как задачам представительских органов, так и функциям администрации. Все это в совокупности приводит к разочарованию в системе местного управления, порождает необоснованное стремление ситуативно «поправлять» законы и

непрерывно обновлять кадры. Заинтересованность граждан утрачивается, доверие к власти снижается, создается простор для манипуляций групповыми настроениями и возрастает риск провокаций на протестные действия. И упреки от населения в этой ситуации адресуются уже центральной власти, которая назначается ответственной за всё – за порядок и в подъездах, и в головах.

Так хочет ли общество (в лице составляющих его малых поселенческих групп) на самом деле больше полномочий в решении вопросов своего каждодневного существования, то есть своей ответственности за состояние дорог, общественного транспорта, образования, медицины, коммунального хозяйства? Или хочет больше возможностей, гарантированных центральной властью? В практике современной России есть прекрасные отдельные примеры, когда местное управление эффективно справляется с проблемами своей малой территориальной единицы. Но, к сожалению, противоположных примеров гораздо больше – и потому, что там люди не такие умелые, и потому, что средств не выделено, и потому, что деньги не получилось освоить. Да еще и коррупция, растраты, хищения. Получается, что для успеха нужно сочетание всех факторов, а для неудачи хватает и одного. Кроме того, обострению проблемы служит зачастую исключительно личностный характер конфликтов, возникающих между членами представительских органов и работниками администраций. Ситуация не нова, с завидной периодичностью она повторяется на всех этапах реформирования местного управления. Еще в 1899 г. один из будущих идеологов консерватизма С. Ф. Шарапов в своей статье «Самодержавие и самоуправление» писал:

«Наша земская жизнь с самого введения у нас земских учреждений пошла вкривь и вкось не только вследствие несовершенств Земского Положения, но также вследствие возникшего немедленно антагонизма между земством и бюрократией» [Шарапов, 2011, с. 45].

Следовательно, одной из задач формирования национального единства является налаживание эффективной работы местного управления и оптимизации форм гражданской активности соответствующего уровня. А это означает, что нужно приучать людей к тем формам общественной деятельности, которые и действительно приносят пользу местному сообществу и всему государству, и дают человеку возможность проявить свои творческие способности и лидерские качества, почувствовать себя на своем месте в большой совместной работе по наведению порядка в общем доме. Значительно помочь в этом могла бы четко и ясно сформулированная государственная идея.

Заключение

Основная идея («государственная идея», «державная идея»), которая объективно может оставлять основу современного государственного строительства России, должна быть светской, и не обязательно иметь отдельный, а тем более оформленный в виде закона текст. Эта основная идея уже получила неоднократное разъяснение в речах Президента РФ по главным вопросам текущего момента (примером тому – выступление перед началом СВО). Основные параметры задач ближайших этапов государственного строительства оглашаются Президентом в ежегодных посланиях Законодательному Собранию РФ, которые и носят характер официальной государственной программы, в том числе в области идеологии.

В последнее время раздаются голоса в пользу создания некоего отдельного текста, в котором именно верховная власть сформулировала бы основные тезисы, отражающие комплекс идей, определяющих вектор развития общества. Часть общества по-прежнему нуждается в официальной идеологии, отказ от которой закреплен в Конституции. Такое отношение к власти и закону, когда, с одной стороны, от власти требуют соблюдать закон, а с другой стороны, призывают его нарушить, свидетельствует о том, что уважение к власти очень сильно перевешивает уважение к закону. Мало того, на власть возлагаются настолько большие надежды, что выполнить все требования она сможет только в том случае, если действительно наладит связь со сверхъестественными силами (как, впрочем, мифы массового сознания и утверждают).

Однако, изложение государственной идеи в неких текстах может произойти и без участия официальных властных структур, силами других общественных институтов, общественных объедине-

ний самостоятельных и ответственных граждан. Принцип соборности уже сейчас может стать основой диалога власти и общества, а форма для обеспечения длительности и детальности этого диалога уже существует – это местное управление, основанное на участии граждан в разработке и принятии решений, связанных с проблемами местности их постоянного проживания.

Не будем утверждать, что переименование «местного самоуправления» (как этот термин звучит в законе) в «земство» кардинально изменит сущность явления. Как и простое избавление от части «само» в составе слова «самоуправление». Но исследование и обсуждение вопросов о земской системе представляется стимулирующим фактором для совершенствования системы взаимодействия власти и общества. А достижение баланса во взаимоотношениях власти и общества, который бы отвечал тактическим и стратегическим задачам нашего развития, обеспечит гармоничное развитие российского общества даже в сложных условиях.

Библиографический список

1. Азаматова Г. Б. Этические аспекты в деятельности местного самоуправления: анализ земского опыта (II половина XIX – начало XX в.) // Модернизация культуры: потенциал искусства, науки, образования : материалы VIII Международной научно-практической конференции. Самара : Самарский государственный институт культуры, 2022. С. 55–58.
2. Алешин П. Н. Региональные особенности формирования земских органов власти в пореформенной России // Современная научная мысль. 2021. № 6. С. 69–75.
3. Бояринцева И. А. Модели местного самоуправления в императорской России XIX века и современные параллели // Вестник науки и образования. 2021. № 4-1 (107). С. 28–31.
4. Братцева Е. А. Самоуправление в дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 219–224.
5. Гайда Ф. А. Опыт «системы Муравьева» во внутренней политике России конца XIX – начала XX века // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 135–140.

6. Головач Е. И. Отношение либеральных и правомонархических партий к введению земств в Витебской, Минской и Могилевской губерниях // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 36–39.
7. Головашина О. В. Местное самоуправление и традиционные институты: проблемы влияния историко-культурного наследия в пореформенной России / О. В. Головашина, С. К. Лямин // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1804–1811.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Книга, 1991. 577 с.
9. Жамкочян А. Х. О местном самоуправлении в России: историко-правовой аспект // Закон и право. 2023. № 9. С. 41–43.
10. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2022 года. Выступления и стенограммы. Сайт. Президент России. Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 25.10.2024).
11. Каирова А. И. Идеи парламентаризма в программах центристских политических партий России в начале XX века / А. И. Каирова, А. В. Крупина // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-4 (103). С. 80-85.
12. Карева А. В. Эволюция российского местного самоуправления // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 4. С. 96–103.
13. Михайлова Е. М. Проблематика земского самоуправления в общественно-политических воззрениях правого консерватизма // Вестник Российского университета кооперации. 2014. №1(15). С. 103–106.
14. Пантелеев И. В. Земская деятельность в дореволюционной России: разноаспектный анализ // Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Поминайте наставников ваших» (Евр. 13:7), посвященные году педагога и наставника. Материалы XIX Международного форума. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 180–182.
15. Поляковская Н. М. Правительственные проекты реформирования местного самоуправления в России в 1906-1911 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 2. С. 231–239.
16. Сапронова И. Ю. Земская реформа в России // Мобилизационное общество и детерминанты его развития. Материалы Всероссийской конференции. Ставрополь : Изд-во Северо-Кавказский социальный институт, 2023. С. 72–77.
17. Сулейманов Б. Б. Российская модель местного самоуправления: некоторые вопросы теории и истории // Итоги и перспективы конституционного развития России. Материалы XV Международного Конституционного Форума. Саратов : Саратовский источник, 2024. С. 134–138.
18. Хачатурян Б. Г. О чём говорит термин «местное самоуправление», используемый в российском праве / Б. Г. Хачатурян, Б. А. Шишкин // Управление и экономика народного хозяйства России : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 620–625.
19. Хренов Н. А. Русский Протей. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 400 с.
20. Шарапов С. Ф. Самодержавие и самоуправление // Шарапов С. Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина / отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2011. С. 39–48.

Reference list

1. Azamatova G. B. *Jeticheskie aspekty v dejatel'nosti mestnogo samoupravlenija: analiz zemskogo opyta (II polovina XIX – nachalo XX v.) = Ethical aspects in the work of local self-government: analysis of zemstvo experience (second half of XIX - early XX century) // Modernizacija kul'tury: potencial iskusstva, nauki, obrazovanija. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Samara : Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2022. S. 55–58.*
2. Aleshin P. N. *Regional'nye osobennosti formirovanija zemskih organov vlasti v poreformennoj Rossii = Regional specifics of forming zemstvo government bodies in post-reform Russia // Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2021. № 6. S. 69–75.*
3. Bojarinceva I. A. *Modeli mestnogo samoupravlenija v imperatorskoj Rossii XIX veka i sovremennye paralleli = Local self-government models in XIX century imperial Russia and modern parallels // Vestnik nauki i obrazovanija. 2021. № 4–1 (107). S. 28–31.*
4. Bratceva E. A. *Samoupravlenie v dorevoljucionnoj Rossii (istoriko-pravovoj aspekt) = Self-government in pre-revolutionary Russia (historical and legal aspect) / Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGJuA). 2021. № 5 (81). S. 219–224.*
5. Gajda F. A. *Opyt «sistemy Murav'eva» vo vnutrennej politike Rossii konca XIX – nachala XX veka = The “Muravyov system” experience in Russian home policy at the end of XIX - early XX century // Tetradi po konservatizmu. 2023. № 4. S. 135–140.*
6. Golovach E. I. *Otnoshenie liberal'nyh i pravomonarhicheskikh partij k vvedeniju zemstv v Vitebskoj, Minskoj i Mogilevskoj gubernijah = Attitude of liberal and right-monarchist parties to the introduction of zemstvos in Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija A. Gumanitarnye nauki. 2022. № 1. S. 36–39.*
7. Golovashina O. V. *Mestnoe samoupravlenie i tradicionnye instituty: problemy vlijanija istoriko-kul'turnogo nasledija v poreformennoj Rossii = Local self-government and traditional institutions: historical and cultural heritage impact in post-reform Russia / O. V. Golovashina, S. K. Ljamin // Bylye gody. 2022. № 17 (4). S. 1804–1811.*
8. Danilevskij N. Ja. *Rossija i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Kniga, 1991. 577 s.*
9. Zhamkochjan A. H. *O mestnom samoupravlenii v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt = On local self-government in Russia: historical and legal aspect // Zakon i pravo. 2023. № 9. S. 41–43.*
10. *Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 21 oktjabrja 2022 goda. Vystuplenija i stenogrammy. Sajt. Prezident Rossii. Moskva = Valdai International Discussion Club meeting on October 21, 2022. Speeches and transcripts. Website. President of Russia. Moscow. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (data obrashhenija: 25.10.2024).*
11. Kairova A. I. *Idei parlamentarizma v programmah centristskih politicheskikh partij Rossii v nachale HH veka = Parliamentarism ideas in centrist political parties' programs in Russia at the beginning of XX century / A. I. Kairova, A. V. Krupina // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 1–4 (103). S. 80–85.*
12. Kareva A. V. *Jevoljucija rossijskogo mestnogo samoupravlenija = Evolution of local self-government in Russia // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek i obshhestvo. 2020. № 4. S. 96–103.*

13. Mihajlova E. M. Problematika zemskogo samoupravlenija v obshhestvenno-politicheskikh vozzrenijah pravogo konservatizma = Problems of zemstvo self-government in the socio-political views of right-wing conservatism // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2014. №1(15). S. 103–106.

14. Panteleev I. V. Zemskaja dejatel'nost' v dorevoljucionnoj Rossii: raznoaspektnyj analiz = Zemstvo activities in pre-revolutionary Russia: multidimensional analysis // Zadonskie Svjato-Tihonovskie obrazovatel'nye chtenija «Pominajte nastavnikov vashih» (Evr. 13:7), posvjashhennye godu pedagoga i nastavnika. Materialy XIX Mezhdunarodnogo foruma. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P. P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2023. S. 180–182.

15. Poljakovskaja N. M. Pravitel'stvennye proekty reformirovanija mestnogo samoupravlenija v Rossii v 1906–1911 gg. = Government projects of reforming local self-government in Russia in 1906–1911 // Sibirskij antropologičeskij zhurnal. 2022. T. 6. № 2. S. 231–239.

16. Sapronova I. Ju. Zemskaja reforma v Rossii = Zemstvo reform in Russia // Mobilizacionnoe obshhestvo i determinanty ego razvitija. Materialy Vserossijskoj konferencii. Stavropol' : Izd-vo Severo-Kavkazskij social'nyj institut, 2023. S. 72–77.

17. Sulejmanov B. B. Rossijskaja model' mestnogo samoupravlenija: nekotorye voprosy teorii i istorii = Russian local self-government model: some issues of theory and history // Itogi i perspektivy konstitucionnogo razvitija Rossii. Materialy HV Mezhdunarodnogo Konstitucionnogo Forumu. Saratov : Saratovskij istochnik, 2024. S. 134–138.

18. Hachaturjan B. G. O chjom govorit termin «mestnoe samoupravlenie», ispol'zue-myj v rossijskom prave = What does the term “local self-government” mean in Russian law? / B. G. Hachaturjan, B. A. Shishkin // Upravlenie i jekonomika narodnogo hozjajstva Rossii : sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Penza : Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2023. S. 620–625.

19. Hrenov N. A. Russkij Protej = Russian Proteus. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2007. 400 s.

20. Sharapov S. F. Samoderzhavie i samoupravlenie = Autocracy and self-government // Sharapov S. F. Rossija budushhego / Sost., predisl., primech., imennoj slovar' A. D. Kaplina / Otv. red. O. A. Platonov. Moskva : Institut russkoj civilizacii, 2011. S. 39–48.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 24.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024